

КНИГА №6 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

НЕСТА

БИЛЬ

НАЯ

БЛЕЙК ПИРСА

Серия триллеров о Коре Шилдс

Блейк Пирс

Нестабильная

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Нестабильная / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Серия триллеров о Коре Шилдс)

Это шестой роман в новой серии автора бестселлеров номер один и автора бестселлеров по версии USA Today Блейка Пирса, чьи бестселлеры получили более 7000 пятизвездочных оценок и отзывов. Внешне Кора Шилдс — настоящая крутышка. Ветеран морских котиков и лучший агент Отдела поведенческого анализа ФБР, Кора имеет репутацию человека, который сделает все необходимое, чтобы поймать убийцу. Но никто не знает, что внутри она разбита, зависима от обезболивающих и находится в глубокой депрессии. Иногда дела нужно вести за пределами закона. Без поддержки Кора наконец свободна действовать, нарушать столько правил, сколько ей нужно, любой ценой, чтобы остановить убийц. Она нашла свое новое призвание. Но станет ли оно также ее погибелью? Захватывающий и душераздирающий криминальный триллер с блестящей и измученной мстительницей в главной роли, эта серия — увлекательная тайна, наполненная непрерывным действием, напряжением, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимая головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи. Будущие книги серии также доступны.

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	20
ГЛАВА ПЯТАЯ	23
ГЛАВА ШЕСТАЯ	26
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

БЛЕЙК ПИРС НЕСТАБИЛЬНАЯ

КНИГА №6 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

ПРОЛОГ

Луэлла не хотела быть здесь – стоять на этой стоянке у придорожной заправки под холодной моросью, с выворачивающим от нервов желудком, прячась под навесом. Навес был слишком узкий: морось всё равно доставала, мочила волосы и пробирала до костей.

Она не хотела поднимать глаза, когда мимо проезжал грузовик, всматриваться в открытое окно и пытаться поймать взгляд водителя, одновременно оставаясь вне поля зрения витрины сельпо. Увидит хозяин её – дрожащую в короткой юбке, высоких сапогах и пухлой куртке – и прогонит.

Голова раскалывалась после вчерашней жуткой ссоры: она отказалась делиться метом, который нашёл Джек.

Конечно, сегодня ей было бы ещё хуже, если бы она употребила, но сейчас это уже неважно. Тут вопрос выживания. В первый раз она попробовала – и возненавидела себя за это. Она поклялась, что одного раза хватит. Может, и правда можно остановиться, попробовав всего однажды. За эту надежду она цеплялась, хотя та почти ни за что не держалась. Где-то могла существовать жизнь, в которой она снова чистая и всё по-другому. Просто сейчас она не видела к этому никакого внятного пути.

Вместо этого она напивалась до отключки. Может, поэтому и болит голова.

А может, потому что утром Джек орал на неё: мол, ему надоело её содержать, её долг – выходить и «добывать», потому что у него всё хуже с глазами и она ему обязана; это она, дескать, на прошлой неделе его «угробила», когда притащила ту дрянную партию. Ни одно из этих издевательств не укладывалось в голове, и она понимала, что должна уйти от него, но ей казалось, что лучшего она не заслуживает.

Кто теперь возьмёт её на работу? Кому она вообще нужна? Посмотри на неё.

Год назад она была королевой выпускного в своей школе в Огайо; получила две награды за успехи по английскому и математике, хоть и не стала первой ученицей. Она собиралась поступить в университет и, скорее всего, выбрать гуманитарное направление. Психологию, может быть.

А потом жизнь случилась. Бах – мама погибла в автокатастрофе. Бум – на отцовскую фирму подали в суд из-за бракованной детали в котле: из-за неё завод потерял три дня работы. Отец держался из последних сил. Компания разорилась. *Он* тоже разорился; ей пришлось уйти из дома, потому что пьянство и приступы ярости – теперь она понимала, что мама их сдерживала, – взяли верх.

Никакого университета для Луэллы. Она устроилась на работу, связалась с сомнительным парнем – зато обаятельным, – рассталась с ним, нашла другого, ещё хуже, и постепенно потеряла связь со всеми школьными друзьями. Бросила работу, съехала с Парнем №2 – и потом как-то так вышло, что всё стало очень плохо, очень быстро.

Она никогда не думала, что окажется здесь – будет продавать себя за его наркотики. Но вот во что превратилась её жизнь. Ей хотелось только одного: вырваться, начать заново, где-нибудь далеко от Джека и от этой дряни. Она верила, что сможет. Иногда – по крайней мере. А иногда уже не была уверена.

Она стояла, утонув в мыслях, когда её резко вырвал из них громкий гудок. Она подняла глаза и увидела, как перед ней останавливается фура. Стекло в водительской двери опустилось, и показался мужчина средних лет – с лохматой бородой и мясистым лицом.

Он смотрел на неё так, словно точно знал, кто она и что она такое. Этот взгляд она знала слишком хорошо. Прошло всего пару недель с тех пор, как её жизнь покатилась под откос до такого вот, но хватило и этого – чтобы понять, как тут всё устроено.

От того, как его глаза скользили по её телу, ей становилось не по себе: голой, уязвимой и совершенно беспомощной. На неё и раньше так смотрели, но от этого не становилось легче – только так же мерзко.

Она знала, что выбора у неё нет – то есть он был, конечно, но шаги, которые пришлось бы сделать ради другого выхода, казались слишком огромными. Слишком невозможными. Будто испытание не на сейчас, а на следующую неделю – слишком громоздкое для сегодняшнего дня.

И всё же одна мысль о том, чтобы снова сесть в чужой грузовик, подташнивала.

– Эй, малышка! Иди сюда, – окликнул он. На полных губах застыла понимающая улыбка.

Ей не хотелось подходить к нему и близко, но мысль о ярости Джека пугала сильнее. Он ещё не бил её по лицу – пока что, потому что она согласилась выйти и сделать это. Если она вернётся без денег, он разобьёт ей лицо. И это он высадил её здесь. У неё не было ни наличных, она дрожала от холода, и единственное, что было при ней, – телефон, чтобы позвонить ему, когда всё закончится.

Неохотно, словно пробираясь сквозь липкую смолу, она подошла к дальнобойщику.

Когда она приблизилась, взгляд мужчины снова прошёлся по ней, и она почувствовала себя ещё более выставленной напоказ. Она пыталась не замечать, но это было невозможно – он смотрел слишком откровенно. Она ощущала себя куском мяса на прилавке, который оценивает мясник, и от этого по коже ползли мурашки.

Пассажирская дверь распахнулась, и она забралась внутрь.

Что-то – какой-то инстинктивный голос внутри – подсказало ей не закрывать дверь. Не запирайте себя рядом с ним, пока не убедится, что всё будет нормально.

– Ну что, я так понимаю, ты за развлечениями, как и я?

Будь воодушевлённой. Играй по правилам. Вернись с деньгами – или не возвращайся вовсе. Голос в голове подталкивал её вперёд, хотя от самой себя и от того, что она делает, её уже тошнило.

– Да... просто хочу заняться тем, что мне нравится, – она улыбнулась.

– Сколько берёшь?

Она назвала сумму. Под ней гудел грузовик: двигатель работал на холостых, он даже не заглушил его, пока они разговаривали.

– А вот что, – теперь в его голосе прозвучало хищное. – Я добавлю к этому ещё двадцатку, но есть условие. Поедешь со мной. Тут дальше по дороге остановка. Там меня пара дружков ждёт. Это даже не будет «трое по цене одного», потому что денег ты получишь больше. Ну как? Повеселишься с нами?

Он ухмыльнулся ей, и в багровом лице его желтели зубы.

И, увидев её выражение, он вдавил газ.

Он не ждал ответа и даже не ждал, чтобы она закрыла дверь. Со своей стороны он уже всё «оформил», и теперь выруливал с площадки, увозя её в такое, от чего её тут же бросило в холод: граница проведена.

Пора остановиться.

– Нет! – выкрикнула она. Она метнулась к распахнутой двери, пытаясь ухватиться за неё, в ужасе от того, как быстро уже мелькал внизу чёрный асфальт и как далеко до него.

Некогда думать. Он дёрнул её сзади, рука рванула куртку, соскользнула по пушистой ткани – и вот она уже вылетела наружу, тяжело ударилась о твёрдую поверхность и распласталась на четвереньках; сумочка упала рядом и лопнула, когда грузовик, взревев, умчался прочь.

Она тяжело дышала, кожа была содрана и кровоточила, глаза залило слезами.

Это было так близко – так близко к тому, о чём она даже думать не хотела и не могла вынести в воображении.

Она не сможет так.

Хватит. Больше нет. Не снова. Этого ей хватило, чтобы понять.

Ей казалось, она достигла самого дна. Она и не подозревала, что оно существует, но теперь ощущала его под собой.

И, как ни странно, именно это наконец придало ей смелости – оттолкнуться и подняться.

Распластавшись на чёрном асфальте, с кровью, сочащейся из ссадин, она вдруг поняла: в ней достаточно сил, чтобы сказать – хватит.

– Я к тебе не вернусь, Джек, – произнесла она вслух; голос был сиплый и дрожал, но слова звучали как клятва. – Не вернусь. С меня довольно. Я сделаю свою жизнь другой.

Позади – рокот мотора. Визг тормозов.

Она вскинула голову, резко обернувшись; адреналин вспыхнул в крови. Это он? Вернулся – как ночной кошмар?

Из кабины донёсся голос – доброжелательный. Надёжный голос. Его хозяин был в шляпе с широкими полями.

– Эй, с вами всё в порядке?

Она вскочила на ноги. Её всю трясло.

– Я... я думаю, да.

– Похоже, вам бы не помешало подвезти. Там, позади, у вас, видно, неприятности были?

Она взвесила варианты. Ей отчаянно нужен был транспорт, нужен был выход отсюда. Если Джек вернётся, пока она торчит на этой стоянке у трассы, будет беда. И она может сорваться, уступить, поехать с ним домой – и побои, и наркотики, и сутенёрство продолжатся по тому же порочному кругу.

– Мне бы не помешало, – согласилась она.

– Садитесь. Подброшу до города?

– До Финдли? – Это был самый крупный город в этой стороне, примерно в ста шестидесяти километрах дальше. Достаточно большой, чтобы спрятаться, найти способ выжить. Достаточно далеко от Джека. У неё, может, ни гроша за душой, но телефон есть, а значит, можно составить план. И она составит.

– Да.

– Спасибо, – сказала она и забралась внутрь; облегчение накрыло волной, хотя её всё ещё трясло после чудесного спасения, и она дрожала от холода. Это был небольшой грузовик, не фура, а средний развозной фургон – возил не такие уж большие грузы.

Шанс начать сначала. Вот что ей выпало – и она собиралась им воспользоваться. Вся эта цепочка событий, решила она, случилась не просто так; чтобы показать ей, как низко она пала и до какой беды всё может дойти.

Теперь она перевернёт свою жизнь, твёрдо решила она, когда водитель прибавил газу, направляясь к выезду. Хватит ядовитых парней. Хватит влипать в наркотики, выпивку и продажу собственного тела. Финдли станет её новой точкой отсчёта – шансом, который ей дали и который она возьмёт.

Её мысли оборвались, когда водитель сбросил скорость.

– Вы, похоже, замёрзли, – сказал он. – Под сиденьем перед вами есть пакет. Там пара перчаток. Возьмёте?

– Спасибо, – сказала она, обрадованная мыслью согреть руки и держать их в тепле, когда доберётся куда надо.

Пакета она не видела, но, должно быть, он там. Наверное, надо просто внимательнее посмотреть.

Она наклонилась и принялась шарить под сиденьем.

И в этот момент уловила сзади резкое движение.

Что-то твёрдое с глухим стуком опустилось ей на затылок.

У неё в глазах взорвались звёзды; она попыталась сопротивляться, и на миг страх – белой горячей вспышкой – прорезал туман в голове, сообщая: если она думала, что достигла дна, то ошибалась; если думала, что её невезение наконец кончилось, то ошибалась.

Никакого нового начала. Уже нет. Для этого слишком поздно.

Потом мир стал серым – и она больше ничего не знала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наконец-то она его выследила.

Усталость и решимость боролись в Коре Шилдс, пока она карабкалась вверх по каменистой тропе. Она заходила с тыла горы. С лицевой стороны тоже была дорога. Хотя она и была разбитой, но не такой крутой – только Коре было плевать на крутизну.

Её заботило другое – эффект неожиданности. Она не проделала весь этот путь, чтобы он ускользнул или успел спрятаться.

Прикрыв от утреннего солнца морские, серо-голубые глаза, она взглянула, куда ведёт тропа. Та огибала куст, а потом уходила вверх по отвесному скальному участку. Но если ухватиться за ветку дерева, что цеплялось за склон и за собственную шаткую жизнь на горе, можно было обойти скалу.

Тёмная бейсболка скрывала её рыжевато-каштановые волосы. Та половина причёски, что не была выбрита, была зачёсана назад, от лица, и крепко удерживалась кепкой.

Она вцепилась в ветку всеми пальцами и подтянулась, а пот делал ладони скользкими. Она была не крупной, но жилистое, собранное тело отличалось силой. Татуировки на руках казались чёрными в слепящем солнечном свете. Змея будто шевелилась, когда она напрягала мышцы. Кобра – так её прозвали когда-то в «морских котиках». И, как кобра, она пришла сюда ради смертельного удара, сосредоточенная на цели.

Отец Габриэля Финча. Бадди Финч – так его по-простому называли, и она почти успела забыть. Он прятался здесь, в этой глуши. Координаты вели её. Мать Габриэля дала их сыну, а он передал ей.

Кора подозревала, что этот мерзкий бывший тренер – человек, от которого отреклась даже семья Гейба, – забрал её сестру. До какой же низости надо опуститься, чтобы переписываться с девушкой, с которой встречается твой сын? Будто пытаешься у него её отбить.

Гейб любил Роуз пару лет. Кора любила её всю свою жизнь. Исчезновение Роуз разорвало семью Кору на части. Она была решительно настроена найти её, решительно – на этот раз – продрасть сквозь боль и не свернуть, не сдаться. Хватит.

Либо Бадди Финч скажет, что случилось с Роуз, либо она пустит ему пулю в голову.

А если и то и другое – одно за другим, – так это даже заманчивее.

Она сжала ветку крепче, со свистом втянув воздух: под ногой поехали камни, посыпались вниз по склону, пока она судорожно искала опору, не желая самой сорваться и покатиться по этой крутой тропе.

Край ботинка зацепился за трещину в камне, и она навалилась всем весом, помогая себе веткой, чтобы подтянуться.

И вот отвесный участок остался позади. Теперь она была почти наверху и приглушила движения, стараясь преодолеть последние несколько метров как можно бесшумнее.

Скрытность сейчас была ей на руку – как бы ни хотелось ворваться с оружием наперевес, паля во все стороны, выкрикивая и выплёскивая ярость из-за того, что он сделал и кем стал. Ей нужна была правда, но единственный верный способ – столкнуться лицом к лицу с человеком, который, по слухам, прятался здесь. И она не собиралась давать ему ни единого шанса уйти.

Спокойно, сказала она себе. Соберись. Держи цель.

Но, карабаясь последние несколько метров и ступая осторожно, она не могла отогнать воспоминания о сестре, заполнившие голову.

Её светлые волосы, милая дерзкая улыбка, любовь, которую Кора к ней чувствовала.

Любовь – защитную. С тех пор как Роуз пропала, сердце Кору надолго, очень надолго стало пустыней. Ни радости, ни доверия.

Добравшись до верха склона, она использовала последние секунды подъёма, чтобы осмотреться.

Где-то рядом слышалось журчание ручья. Вершина распластывалась в небольшой, поросшей травой и деревьями площадке, где среди стволов и крупных валунов притулились несколько домиков. Казалось, когда-то, давным-давно, это могло быть маленькое горное поселение, затерянное среди каменных пиков. Мир здесь суров, но люди всё-таки отвоевали себе этот крохотный клочок. Отвоевали – ключевое слово. Теперь всё выглядело пустым, заброшенным. Некоторые дома, казалось, вот-вот развалятся.

Неужели все разъехались и бросили эту общину? Похоже, так и было. Все – кроме него. Но где же он теперь? Он всё ещё здесь? Ей говорили, что да, и говорили те, кому она доверяла больше всего, – его жена. Кора подумала, что это вполне в его духе: остаться последним в умирающем поселении.

Кора напряглась.

Окинув взглядом окрестности, прищурившись, она заметила движение за вторым домиком.

Сердце грохотало в груди; она присела за густой куртеной кустов и потянулась к кобуре, чувствуя под ладонью надёжную тяжесть оружия. Она примерно представляла, что за человек отец Гейба и каким будет её «гостеприимный» приём, если она его отыщет. Она пришла подготовленной – и не боялась пустить пистолет в ход, если придётся.

Подглядывая сквозь листья, она увидела, как он вышел из-за угла домика. Он казался худее, измождённое, чем на фотографиях и в старых, расплывчатых воспоминаниях. Но держался по-прежнему настороженно, зорко, и ледяной взгляд заставил её поёжиться.

Наконец-то. Отец Гейба. Человек, который забрал её сестру. На нём были затасканные бежевые штаны и фланелевая рубашка цвета сырой земли, и он шёл к краю обрыва, не оборачиваясь.

Он вооружён? При нём есть огнестрел? Она напряглась, внезапно ощутив опасность, и попыталась подкрасться ближе – шаги бесшумные, внимание предельно собранное.

Дойдя до края, он остановился и посмотрел вниз, на долину. Кора заметила, как опустились его плечи – будто на них лежала неподъёмная ноша. Это вина за то, что он сделал с её сестрой? Или что-то другое?

Она не доверяла этому человеку ни на волос.

Кора с трудом сглотнула; палец завис на спусковом крючке. Настал момент расплаты. Ей нужно было встретиться с ним лицом к лицу – и заставить говорить.

Вдруг ждать она больше не могла.

Выпрямившись, она вышла из укрытия, не убирая руки с пистолета.

– Финч! – крикнула она.

Он обернулся быстрее, чем она ожидала. Ну да – он ждал неприятностей. Он был готов: виновный, который только и ждёт, когда за ним придут. Его рука метнулась к оружию, и Кора, повинаясь инстинкту, выучке и опыту сотни боевых стычек, рванулась в сторону как раз в тот миг, когда грянул выстрел.

Кора, с бешено колотящимся сердцем, перекатилась за ближайший валун, сжимая пистолет. Она ожидала, что он будет вооружён, но не думала, что он так быстро откроет огонь.

Она выглянула из-за валуна и увидела среди зелени бежевую вспышку, бледное пятно руки. Бадди Финч двигался быстро, пытаясь занять позицию для чистого выстрела. Кора знала: если она хочет получить нужные ответы, действовать надо немедленно.

– Ты что, совсем с ума сошёл?! – заорала она. – Стреляешь? Я пришла задавать вопросы!

Она замолчала. В ответ – только тишина. Он меняет позицию? И на что этот человек способен?

Она решила поднажать.

– Может, ты и так знаешь, какие. А может, просто не хочешь отвечать – потому что я наконец-то тебя нашла!

Ещё один выстрел расколол воздух – и ей в уши. От валуна отлетели щепки, и Кора пригнулась, уходя глубже за укрытие.

– Хватит! – крикнула она.

Прижавшись к земле, она искала возможность ответить огнём. Нужно было как следует его припугнуть. Она не имела понятия, где он сейчас. Может, он уже подбирается ближе.

Решив застать его врасплох, она проползла к другой стороне валуна. Здесь укрытием служил густой колючий куст, и она увидела его ясно. Он смотрел туда, где она была секунду назад, весь напряжённый, с пистолетом наготове. И теперь, разглядев его как следует, она опешила.

Лицо у него было не просто худое – измождённое. Руки, державшие оружие, дрожали. Волосы – дикие, неухоженные, ветер дёргал их, сбивая в спутанное гнездо. Он выглядел так, будто давно не мылся. И хотя хуже от него ждать было трудно, она всё равно удивилась.

Что, черт возьми, в его жизни пошло так страшно не так? Почему он делал один разрушительный выбор за другим?

Неважно. Сейчас самое время до смерти напугать этого человека. Она выстрелила, целясь ему в лодыжку.

Пуля чиркнула по боку ботинка, и он пронзительно вскрикнул, резко обернулся и заметался взглядом из стороны в сторону. С его стороны грохнул ещё один выстрел – на этот раз в пустоту, решила она, потому что удара пули она не услышала.

– Следующая войдет тебе в грудь! – крикнула она. – Тебе будет только хуже. Брось пистолет! Я хочу поговорить.

Снова пауза.

– Я не хочу с тобой разговаривать!

– Ты писал ей. Моей сестре, Роуз. Я знаю, что писал. И прямо здесь, прямо сейчас я хочу знать, что случилось. Что с ней произошло? Ты забрал ее; я знаю! И я не уйду, пока не получу ответы. Если понадобится, я сейчас же позвоню и привлеку ФБР. У меня есть доказательства; у меня есть связи. И даже не думай, что я не сделаю этого! – Она позволила угрозе тяжело повиснуть в голосе. Она имела в виду каждое чертовое слово.

И он сдался.

Она услышала вздох – даже отсюда, из-за своего валуна.

– Чего ты хочешь? – наконец выплюнул он, сипло, с хрипотцой.

– Я хочу ответов, – сказала Кора, удерживая голос низким и ровным. – Я хочу знать, что ты сделал с моей сестрой.

Кора видела смятение на его лице – борьбу между виной и страхом. Но в конце концов он шумно выдохнул и медленно опустил оружие. Выглядывая из-за густого подлеска, Кора продолжала держать его на мушке – на всякий случай.

– Она была со мной, – наконец сказал он, едва слышно. – Недолго.

Внутри у нее вспыхнула ярость.

– А потом? – бросила она. – Что она сделала после того, как ты ее использовал и унижал?

– Все было не так! – Его голос звенел болью.

– Куда она делась?

– Она... мы кое с кем вели дела. Дела, на стороне. Она мне помогала.

Наконец его голос стал тише. Словно он снова нащупал связь со своими воспоминаниями – и впервые признал их.

– С кем?

– С одним типом... у него были связи.

– Какие еще связи?

– Звали Марио. Он был связан с мафией. Я проворачивал кое-какие сделки.

– С мафией? – Ее голос стал жестче. Пальцы впились в землю.

– Она ушла с ним. Я даже не знал – пока не стало слишком поздно. Она ушла с ним, сбежала от меня. Она бросила меня ради него. Он был ее тайным парнем! А теперь проваливай! Убирайся, оставь меня в покое, я больше ничего не знаю!

Его голос взлетел до крика.

Кора уставилась на него, не веря этой версии и гадая, не сочиняет ли он сложную ложь, чтобы спасти свою шкуру. Ее сестра была связана с мафией? Последнее, что она ожидала услышать. Это было как оказаться в лабиринте: повороты, изгибы – и ни малейшего шанса найти выход.

– Что было дальше? – потребовала она, надеясь, что подробности помогут докопаться до правды – если это вообще правда. – Где этот тип? Мне нужно знать, черт возьми. Ты забрал мою сестру! А теперь скажи, как мне его найти!

В ответ – только тишина.

Прошли удары сердца – быстрые, тревожные.

Кора рискнула выглянуть из-за валуна. Глаза ее расширились.

Палец Бадди Финча снова стиснул спуск. Но на этот раз пистолет был направлен на него самого.

– Нет! – закричала она.

Вывавшись из укрытия, она бросилась бежать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ноги Кору вгрызались в землю. Из-под каблуков градом летели камешки, пока она мчалась к стареющему, сломленному, злому человеку, и ей казалось, что расстояние – каких-то девять метров – непреодолимо.

Он стоял один в этом разваливающемся поселении, прижав пистолет к виску. Ее шаги врезались в твердую землю, как точки в конце фраз, отмечая ее отчаянный путь к правде.

– Подожди! – кричала она на бегу. – Подожди, Финч!

Раз... Два... Три...

А потом – внезапно, резко – ещё один взрыв.

На этот раз он сложился, как подкошенный.

Кора по инерции налетела на него. Захлёбываясь воздухом, она уставилась на него сверху вниз.

Из раны на голове сочилась кровь, пропитывая землю под ним.

Она рухнула рядом на колени, широко распахнув глаза от шока и ужаса. Она не могла поверить в то, что только что увидела. Неужели так и заканчивается история человека, который держал ключ к исчезновению её сестры?

– Бадди Финч, – прошептала она дрожащим голосом. – Зачем ты это сделал? Зачем ты застрелился?

Кора опустилась рядом с ним на колени, пальцы тряслись, когда она проверяла пульс. Ничего. Его уже не было.

Слёзы подступили к глазам, когда она смотрела на него. Это было слишком – не уложить в голову.

У неё было столько вопросов, а теперь единственный, кто мог на них ответить, застрелился.

Кора долго сидела, не отрывая взгляда от безжизненного тела перед собой. Она оцепенела, не в силах осмыслить произошедшее. Человек, который забрал её сестру, который годами мучил её семью, теперь был мёртв.

И вместе с ним исчезли ответы о том, куда пропала её сестра.

– Нет! – закричала она. А потом ещё громче – сорвала голос, выкрикивая слова, выплёскивая всё своё горе в пустое, равнодушное небо.

– Нет! Нет! Нет!

Наконец она поднялась, ноги дрожали и подкашивались. Она оглядела пустынный пейзаж, пытаясь понять, что делать дальше. Она знала: нужно найти Марио – тайного парня её сестры, о котором Финч упомянул перед смертью. Но где он? И как отыскать человека, связанного с мафией, которого она знает лишь по имени?

Они заключали сделку. Какую-то «коммерцию», как сказал Финч. Значит, в хижине могли быть подсказки?

На сердце было так же пусто, как вокруг, а разум уговаривал её: продолжать поиск бессмысленно. И всё же она потащила себя к покосившемуся деревянному домику.

Пересечь это пространство заняло у неё, может, минуту. Но показалось – самым долгим путём в её жизни.

Хижина была открыта. В деревянной двери торчал ключ, но сама дверь стояла приоткрытой.

Кора шагнула внутрь, задержав дыхание, и толкнула дверь чуть шире. Она сама не знала, что именно ищет.

Есть ли здесь хоть что-то, что скажет ей, кто такой Марио и где он? С чего начать? Она ждала, пока глаза привыкнут к полумраку этого места, где, как она подозревала, разыгралось столько зла.

Внутри было сумрачно и затхло, но чисто. Когда-то стены красили, однако теперь краска во многих местах облупилась. Кора прошла дальше, сердце глухо колотилось в груди. Моргая, она оглядывалась, стараясь охватить взглядом как можно больше.

Это была одна комната, с перегородкой в дальнем конце – она догадалась, там прячется примитивный туалет. В углу – аккуратно застеленная кровать. Под окном – стул и прикроватная тумбочка. У двери – небольшой стол и два стула по сторонам. Одна конфорка, под ней – газовый баллон.

Ещё был холодильник и большой книжный шкаф.

И именно к шкафу притянуло взгляд Кору.

Он был набит старыми бумагами. У неё поднялись брови, когда она это увидела. Она-то думала, что здесь ничего нет, что она заглянет, покопается и бросит затею.

Но оказалось – наоборот. Здесь было слишком много.

Разобрать всё это заняло бы у неё остаток дня, как минимум.

Она глубоко вдохнула. Если это то, что нужно сделать, значит, она это сделает.

Кора медленно подошла к книжному шкафу, пальцы зависли над стопками бумаг. С чего начать? В папках были целые пачки – записи на всю жизнь и даже больше, некоторые страницы уже пожелтели.

Взгляд на несколько страниц, слетевших на пол, показал: это старые газетные вырезки, да ещё и о таком, смысла чего она толком не понимала. Древний благотворительный сбор, сбежавший домашний тигр, запуск нового пистолета. Тысячи разных листков, случайно записанных куда попало, а теперь – она видела – перемешанных с вещами куда более серьёзными. Квитанции, налоговые декларации, личное письмо. Но всё вперемешку, свалено в одну кучу без всякой логики. Неужели его разум начал рассыпаться?

Она подумала, что, возможно, так и есть – и эта мысль стала лучом света во тьме: если его рассудок начал сдавать, значит, он мог не уничтожить важную, опасную информацию, и она вполне могла быть здесь. Другое дело, что искать придётся целую вечность.

Сколько бы времени ни ушло, она была готова начать.

Она вытащила несколько древних папок, вклиненных между стопками бумаги, и посмотрела на ярлыки. Старые, похоже, были разложены лучше. «Счета», «Расчёты». А вот толстая папка с надписью «Дела». Это могло стать отправной точкой, учитывая, что он имел дела с Марио.

Но едва она раскрыла папку, как зазвонил телефон.

Она вздрогнула. Этот навязчивый звук в странном и одиноком месте её напугал. Прежде чем принять вызов, она машинально оглянулась через плечо, но, увидев, кто звонит, сердце забилось ещё быстрее.

Нет, это не укладывалось в голове.

Звонил отец.

Отец?

С какой стати ему звонить сейчас?

Сообщение, которое она оставила на их автоответчике, снова вспыхнуло в памяти. Сбитое, путаное сообщение, извинение, которое казалось недостаточным, оставленное после последнего громкого дела.

И всё же она ни за что на свете не ожидала, что он ответит. Кора недоверчиво уставилась на входящий номер, едва не решившись просто сбросить, но не смогла. Не теперь, когда до неё начало доходить, почему он может звонить.

Как бы ни было между ними, если отец звонил, значит, ему нужно было сказать что-то важное.

А вдруг случилось что-то страшное? Мысль мелькнула – и тревога вспыхнула внутри, когда она приняла вызов.

– Аллю?

Её настороженное приветствие утонуло в тяжёлом дыхании.

Рыдания. Отец рыдал в трубку, не произнеся ни слова.

– Что происходит? – спросила она. – Папа, что такое? Что случилось?

Пауза – бесконечная, пока она судорожно сжимала телефон. В голове вихрем пронеслись варианты, один хуже другого.

И наконец он заговорил.

– Тебе нужно приехать. Быстро.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К дому родителей Кора добралась через два часа, мчась по дороге к обычному пригородному домику, где, как она теперь подозревала, случилось самое худшее.

Ключ от хижины Финча лежал у неё в кармане. Перед отъездом она заперла дверь, но папку с надписью «Дела» взяла с собой – она лежала на заднем сиденье машины. За остальным содержимым хижины можно будет вернуться позже.

Она не знала, что делать с его телом, с его самоубийством. Оно лежало у самого обрыва, и она не хотела видеть его снова – никогда. Тем более в том виде, в каком оно будет, когда она вернётся.

В конце концов она толкнула его ногой, дыхание сбивалось; ей казалось, что она поступает неправильно, но правильного решения уже не существовало.

Он перевалился через край оврага и покатился вниз по склону, тело с треском продиралось через кусты. Она следом пнула вниз и его пистолет.

А потом, рыдая, отвернувшись и побежала обратно по этой коварной тропе, скользя на камнях, и влетела в машину.

И вот она здесь – у родительского дома, вся на иголках от тревоги.

И она была тут не одна. Выбираясь из машины и не переставая следить за окружением, Кора бросила взгляд на автомобиль на дороге снаружи.

Он стоял – слишком уж очевидно – напротив родительского дома, и сквозь тонированные стёкла она не могла разглядеть человека внутри.

Это были федералы? Машина не походила на неприметную тачку Федерального бюро расследований; скорее – низкая, более спортивная, да и постарше. Но мало ли: агент под прикрытием мог ездить на чём угодно. Это могло сулить неприятности, но времени выяснять у неё не было.

Ну и что, если это федералы? Ну и что вообще?

Она знала одно: в отцовском голосе была такая нота, что внутри у неё что-то стянуло узлом – и с каждой секундой этот узел затягивался всё туже.

Приоритеты.

Отвернувшись от ожидавшей машины, Кора направилась к дому родителей.

Она постучала в дверь и почувствовала, как тревога стала ещё сильнее: что-то было не так; она это уже чувала. Обычно в этот час на веранде стояла расставленная мебель, на кресле-качалке лежала подушка, а редкие случайные листья были сметены.

А сейчас веранда молчала; стул был сложен в углу.

Она ждала, размеренно вдыхая и выдыхая; глубокие вдохи – то, что она делала на автомате, когда нервничала. Старый, давний приём из «тренировок», который почему-то прижился.

На машину снаружи она не оглянулась.

Минуту спустя в коридоре послышались шаги, и дверь открылась.

Он. Её отец. Стоило ей увидеть его, как в ней вскипела злость. Почему он такой? Почему их отношения всегда до чёрта противоречивые? Она понимала: злится не только на него. На себя – тоже. Ссорятся ведь вдвоём, так? Почему у неё не хватает сил исправить то, что сломано? Почему её личные демоны всякий раз уводят её туда, где конфликт и недоверие, алкоголь и наркотики?

Но уже в следующий миг злость отхлынула: теперь она увидела, что он выглядит не как обычно. Глаза покрасневшие, лицо осунувшееся. Он даже не бросил на неё привычного осуждающего взгляда из-за причёски. Она ждала его обычного дежурного жеста, когда он заметит

её дерзкий стиль: с одной стороны волосы под машинку, прижатые к коже головы, с другой – каштаново-рыжие пряди до плеча.

Но он лишь сказал: «Заходи», – голос дрогнул, и, чувствуя, как её мутит внутри, она пошла за ним.

– Где мама?

Он не ответил. Тишина давила. Она прошла следом на кухню. Ни запаха выпечки, ни противней со сконами, ни решёток с буханками. Только несколько грязных кружек и тарелок, наваленных в раковине.

– Что случилось?

Кора встала напротив него, лицом к лицу, у деревянной столешницы. Садиться она не собиралась. Ей нужно было знать. Сейчас.

– Твоя мама в больнице, – тяжело сказал он.

– Почему? Что с ней?

– Кора, сядь.

Он указал на квадратный стол с четырьмя деревянными стульями.

Ей не хотелось садиться. Не хотелось, чтобы ей сейчас командовали. Но он уже сам бес- сильно опустился на стул, и она, злясь, резко плюхнулась на другой. Снова напротив друг друга. Всё так же – как на линии фронта.

– Что с ней? – потребовала она.

Он вздохнул.

– Сердце. У неё состояние, называется ишемия миокарда. – Он произнёс эти слова осторожно, словно они были чужими.

– И настолько всё плохо, что она в больнице?

– В эти выходные резко стало хуже. До этого, как говорят врачи, оно протекало бессимп- томно. Сейчас она в отделении интенсивной терапии, и, возможно, придётся подключить её к аппарату искусственной вентиляции лёгких. Сердце не прогоняет достаточно кислорода по организму. – Он опустил взгляд на руки. Они дрожали, как и голос.

– И каков прогноз?

Она спросила это спокойно, хотя хотелось заорать: «Да что, чёрт возьми, будет с моей матерью?» Теперь, когда она это услышала, внутри всё взлетело на пик.

– Пытаются справиться лекарствами. Есть вероятность операции. Пока они ещё не всё понимают. Но дело серьёзное. Если лекарства не помогут, она там надолго.

Они смотрели друг на друга; Кора не находила слов, и тут отец снова вздохнул.

«Она хотела, чтобы мы наладили связь. Её всегда мучило, что мы не ладим. Наверное... ну, мне нужно было, чтобы ты узнал, что случилось, и я надеялся, что, может быть, мы сможем попробовать. Хотя бы попробовать. Наладить отношения».

Кору накрыла волна вины. Она всегда знала, что её тяжёлые отношения с отцом больно бьют по матери. Но ей и в голову не приходило, что всё дойдёт до такого. Сердце сжималось при мысли о матери, лежащей в больнице и сражающейся за жизнь.

Ей хотелось протянуть к отцу руку, приблизиться, позволить им поддержать друг друга в это трудное время – но она не могла. Их прошлое тянуло назад тяжёлым грузом.

Молчание между ними тянулось, глухое и давящее. С чего начать? Неужели она правда сумеет отложить в сторону горькую обиду, которую носила в себе столько лет?

Кора поднялась и подошла к окну, уставившись на улицу.

Машина всё ещё стояла там – отметила она краем сознания, потому что остальная его часть вихрем кружилась от слишком многого.

Она обернулась.

– Наверное, нам придётся попытаться, – сказала она.

Она не знала, как. Может, знал он.

Может, это и был тот шанс, который им нужен, чтобы собрать их отношения заново. Она посмотрела на отца и увидела усталость, отпечатавшуюся на его лице. Он казался старше, хрупче, чем она помнила.

– Я хотел бы попробовать, – сказал он. – Твоя мама хотела бы, чтобы мы держались вместе. Она хотела бы, чтобы мы забыли разногласия и снова стали семьёй.

Это слово – «семья». Такое чужое. Она его не понимала. Она не ощущала этого по-настоящему уже много лет. А может, и никогда. Неужели сейчас её шанс?

Но хотела ли этого сама Кора? Готова ли? Она видела, как разбит отец, как его трясёт от горя. Она знала, что творится у неё внутри. Она уважала желание матери, но не знала, с чего начать. Пропасть казалась слишком широкой. Слов не было – по крайней мере, нужных.

Она протянула руку и сжала его ладонь.

– Тебе помочь чем-нибудь?

– Нет. Нет, я в порядке. Я сам о себе позабочусь, – сказал он, и по тону она уже поняла: не успеет пройти и мгновения, как они снова начнут искрить друг об друга.

– Это не поможет! Нам надо подумать, понять, как это сделать.

– Я не знаю как, – в его голосе звучало отчаяние.

– Ну так мы должны хоть что-то сделать! Если это то, чего она хочет, так ведь?

– Я сейчас ни на чём не могу сосредоточиться, Кора. Мне всё это даётся тяжело, и я не вижу, куда идти дальше.

Она снова поднялась, бросила взгляд в окно, чувствуя беспокойство и неспособность удержаться мыслью в этой невозможной ситуации.

Её раздражала машина снаружи – или это был всего лишь повод встать и уйти, вырваться из разговора, который становился душным. Вдруг ей стало невыносимо оставаться здесь, в этом молчаливом доме, где тяжесть целой жизни – вины, ссор и несчастья – оседала в костях.

– Мне нужно кое-что проверить. Я скоро вернусь, – сказала она, потому что взорвалась бы, останься она на кухне, пропитанной горем и ожиданием, ещё хоть минуту.

Она встала, глубоко вдохнула, и теперь внутри разгоралось жгучее раздражение – из-за состояния матери и их собственной беспомощности.

Кора решительно вышла из кухни и направилась к входной двери.

Пусть она и не в силах разобраться с тем, что происходит у родителей, зато уж точно могла, к чёрту, разобраться с тем, кто припарковался там, у дома. Подойдя к машине, она крикнула, выплеснув злость:

– Кто вы? И что вы здесь делаете? – рука сама собой потянулась к пистолету, когда стекло опустилось.

Она замедлила шаг, уставилась.

Ошеломлённая.

Это был человек, которого она знала – и не знала. Годы её не пощадили, но, возможно, она думала то же самое о Коре.

Женщина вышла из машины и выпрямилась. Кора оглядела её. Вспыхнули воспоминания – она сопоставляла их с тем, что видела сейчас. Квадратная челюсть, лицо осунулось, стало сухим, почти истощённым. Взбитые, пушащиеся волосы, макияж, обтягивающие кожаные штаны, старый шрам на лице и новый – на руке.

Дейтона Блейк – выглядит лет на десять старше, чем в армии, и при этом куда более беззащитной, чем помнила Кора.

– Мне сказали, где тебя можно найти, – произнесла она. – Мне нужна твоя помощь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

– Дейтона?

Кора не смогла скрыть неверия в голосе. Женщина, на которую она сейчас смотрела, была бесконечно далека от той, кого она знала прежде.

Да что, чёрт возьми, случилось?

Теперь было понятно, почему ей нужна помощь.

В команде «морских котиков» Дейтона всегда была одной из самых крепких – по крайней мере снаружи. Смелость у неё граничила с безрассудством. В её фигуре – выше и суше, чем у Кору, – скрывалась неожиданная сила.

О личной жизни она говорила мало, хотя Кора знала: там не всё гладко. Были вещи, оставившие шрамы внутри – в пару к наружным. Старый рваный шрам на шее, о котором она никогда не говорила, и два кривых пальца, плохо сросшиеся после давнего перелома.

После армии они потеряли связь, и теперь Кора не могла поверить в то, что видит перед собой.

Похудела килограммов на девять, а ведь и раньше не была полной. Кожа потускнела, глаза покраснели; на руке – несколько новых татуировок, сделанных кое-как. Но больше всего Кору выдавала одежда. Короткая юбка, колготки, вычурные сапоги – лак на них стёрся, носы и каблуки поцарапаны.

Кора понимала, чем она занимается, – это было очевидно.

Дейтона, должно быть, заметила шок у неё в глазах. Она отвела взгляд, а Кора торопливо взяла себя в руки, не желая ранить женщину, которая была частью её команды и вместе с ней смотрела в лицо бедам и опасности.

– Чем я могу помочь? – спросила она.

– Это не для меня. – Дейтона приподняла подбородок, и в этом жесте Кора на миг увидела тень прежней Дейтоны – жёсткой, стальной, той, которую помнила.

Кора не ответила – просто ждала.

– У меня всё нормально. Слушай, какое-то время было не очень. Я попала в полосу невезения. С деньгами и вообще.

– Надо было попросить помощи! Чёрт возьми, Дейтона. – Кору придавило чувство вины. Бывшие «котиков» должны держаться друг за друга. Если бы она только знала.

– Я делала то, что нужно. А теперь всё лучше. У меня есть постоянные клиенты, они хорошо платят, и по выходным я ещё танцую на пилоне в клубе в центре.

Тот же хриловатый голос. Только без прежней дерзости.

Кора не стала спорить. Если Дейтона считала, что у неё всё в порядке, Коре не стоило лезть.

– Тогда для кого?

По улице проехала машина, и Кора сразу заметила, как взгляд водителя прилип к Дейтоне – с узнавания и с неодобрением той, кем она стала.

Если они задержатся здесь ещё хоть немного, Кора предположила, «приличные» люди в округе начнут возмущаться. Наверняка позвонят в полицию или в местную дружину. Это было как раз то место, где жили её родители, та среда, к которой они принадлежали.

Дейтона, похоже, взгляда водителя не заметила. Она теребила ремешок сумочки – явно неловко себя чувствуя.

Теперь, стоя перед Корой, она выглядела куда старше, чем помнилась. Сердце Кору сжалось: она вспомнила товарищество, которое связывало их в армии.

– Поехали прокатимся, – сказала она.

Они забрались в машину. По крайней мере, та была в хорошем состоянии. Старый «Мустанг» с кожаными сиденьями – чистый, ухоженный; сзади – пара сумок, а на пассажирском кресле лежала куртка, которую Кора переложила.

Дейтона завела мотор, и они поехали. Вниз по улице её родителей, поворот направо – и вот они уже на главной дороге, выезжая из города.

– Значит, что-то происходит, – сказала Дейтона. Взгляд у неё был прикован к дороге впереди.

– Что именно? – спросила Кора, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Дейтона никогда не ходила вокруг да около. Если что-то происходило, значит, дело серьёзное.

– Думаю, кто-то убивает людей. Убивает людей из моей сферы.

– Почему ты так думаешь?

Дорога разворачивалась перед ними, уходила в холмы – зелёные, в лёгкой дымке. Нетронутые. Глядя на этот пейзаж и слушая женщину за рулём, Коре казалось, будто Дейтона говорит о каком-то совсем другом мире. Скорее всего, так и было. Кора не знала, где та живёт, и вообще ничего о её жизни.

– Начинаешь знать девчонок, – сказала Дейтона. – Кто есть кто, где кто бывает. Мы приглядываем друг за другом, проверяем, всё ли в порядке. Есть определённые бары, определённые места – мы все туда ходим.

– Конечно. Понимаю. И что-то случается?

– Несколько человек в последнее время пропали. И кое-кто из нас заметил, начал думать, что к чему. Пару ночей назад в бар приходили их подруги – даже сестра одной из них – спрашивали про них, не знает ли кто чего.

Кора кивнула.

По тону Дейтоны она почувствовала: это ещё не всё.

– И?

– И я переживала, но особенно потому, что на прошлой неделе пропала одна новенькая. Её зовут Луэлла.

– И ты думаешь, её забрали?

– Да, думаю. Никто ничего не видел и ничего не слышал. Я пыталась ей звонить, но она не отвечает; телефон выключен. Её парень – мусор, наркоман, и он ничего не знает. Он сказал мне, что однажды утром она вышла поймать попутку – поработать. Он понятия не имеет, куда она поехала, и больше её не видел. Я ему верю, потому что он не водит. Зрение никудышное. Он наполовину слепой. Он отправил её зарабатывать для него, а меня обвинил, что я с ней сговорила, чтобы она от него ушла. А я должна была. Луэлла – не из тех, кому место в этом деле. Она могла бы жить иначе.

– Что ты имеешь в виду? – Кора взглянула на Дейтону. Профиль у той был жёсткий, глаза – на дороге.

– Она хорошая девочка, просто жизнь прижала. Ты же знаешь, как быстро всё может покатиться. Не тот парень, несколько плохих решений. Ей никогда не следовало сюда попадать – а теперь она исчезла. Я бы поверила, что она просто бросила его, если бы не другие пропавшие тоже. – Дейтона повернулась к Коре, и в её взгляде было почти мольба.

– Похищение?

– Думаю, да. Никого ведь так и не нашли. Я про тела.

– Ты обращалась в полицию?

Произнеся это, Кора поняла, что вопрос, скорее всего, пустой. И Дейтона состроила гримасу, подтверждая её догадку.

– И что сделает полиция? Скажут, что женщины, наверное, просто ушли дальше, или вляпались и уехали из города. А выше не поднимешь. Мы – секс-работницы. – Она поморщилась, произнося эти слова. – Федеральное бюро расследований не станет тратить на это

ресурсы. Скорее всего, всерьёз не воспримут. Помочь некому. – Она снова посмотрела на Кору. – Никому, кроме тебя.

– Ты хочешь, чтобы я взялась за это дело?

Мысли Кору уже неслись вперёд. Сможет ли она? Сейчас? Когда в семье творится чёрт-те что, и ещё это – её навязчивая потребность узнать больше о мафиозном ухажёре Марио, который встречался с её сестрой. У неё и так забот по горло. Слишком много тревог.

Дейтона кивнула.

– Пожалуйста. Найди Луэллу. Она этого не заслужила, Кора. Если кто и может, так это ты. – Голос у неё стал жёстче. – И найди того, кто это делает. Нам и так непросто; мы живём в жестоком мире. Нам не нужно, чтобы нас ещё и так выбирали мишенью. Это... кто бы там ни был, это чудовище. Его нужно остановить.

Кора взглянула на неё, думая, как бы подобрать слова для отказа – и к кому ещё она могла бы отправить Дейтону за помощью.

Никто не приходил на ум. Не так уж много людей согласились бы взяться за такое дело. И она не знала, сколько Дейтона вообще может себе позволить. Она знала: та попытается хоть что-то заплатить. И ещё она знала, что не возьмёт денег со старой подруги и сослуживицы по «морским котикам», даже если всё-таки возьмётся за дело.

А взяться она, конечно, не могла. Она взглянула на Дейтону, готовая сказать ей это.

Руки подруги мёртвой хваткой сжимали руль. Лицо было каменным.

Кора глубоко вдохнула. Время – хуже не придумаешь. Ей бы отказаться: мать в больнице, отцу нужно помогать и составлять компанию – ту, в которой он, возможно, нуждается, но которой не хочет.

И всё же у подруги Дейтоны не было никого, кто мог бы помочь. Никого, кроме Кору.

– Ладно, – сказала она. – Я берусь. Попробую найти твою подругу. Расскажи, что знаешь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кора увидела, как изменилось лицо Дейтоны: его залило облегчение.

– Спасибо, – сказала Дейтона. В голосе – настоящая благодарность.

– Разворачивай машину. – Они уже заехали далеко в холмы. – Поехали обратно. Мне нужно знать всё, что знаешь ты. Расскажи по дороге в город подробности. Где это происходит? – спросила Кора.

– В Огайо. Мы там работаем. Многие девчонки крутятся у стоянок дальнобойщиков. Через штат идёт большой поток, водителей много. Есть несколько стоянок, куда девчонки ходят, и я не знаю, забрали её с одной из них или где-то ещё. Но дальше – ничего не знаю. – Дейтона безнадежно пожала плечами. – Как полиция говорит: кочевая жизнь. Людей не видишь днями, неделями. Потом что-то узнаёшь. Или не узнаёшь.

Кора какое-то время молчала, прикидывая, что всё это значит и с чего ей можно начать.

И кто там, в темноте, охотится на женщин, которые этого не заслужили, которые докатились до самого дна и пытаются жить на этом уровне.

Она понимала: бросаться в это вслепую нельзя. Но и тянуть нельзя. Каждая минута могла решить, найдут Луэллу живой или нет.

– Когда вы говорили в последний раз, Луэлла тебе ничего не сказала? Ничего странного? – спросила Кора.

Дейтона покачала головой.

– Нет, не особо. Она просто пыталась найти способ выбраться из этого. Искала выход, понимаешь? Но она обещала – обещала держать меня в курсе, и я ей поверила. – Она тяжело вздохнула.

Кора кивнула. Она достаточно доверяла чутью Дейтоны: если та считала, что всё так и есть, значит, так оно и было.

– Скинь мне координаты и всё, где ты видела её в последний раз, и всё, что знаешь о других, тоже, – сказала она, когда Дейтона остановилась у дома её родителей. – Посмотрю, есть ли что-то общее. И постараюсь добраться туда к завтрашнему дню. А пока мне нужно разобраться с семейными делами.

– Поняла. И, Кора... спасибо.

Она повернулась. Потянулась через салон. И стукнулась с Дейтоной кулаком – как они делали раньше в армии. Это было их фирменное приветствие, их маленький ритуал. Сейчас оно казалось неуместным, но Кора не знала, что ещё сделать.

Кора вышла из машины и поднялась к дому. Открыла входную дверь.

Отец был там же, где она его оставила. Всё так же сидел за столом, всё так же тонул в тревоге и горе. Он не поднял головы.

– Мне нужно уехать из города на пару дней, – сказала она, понимая, что, возможно, это затянется. Она не знала, сколько времени уйдёт на поиски Луэллы или на то, чтобы понять, что происходит. – Когда вернусь, зайду. Привезу продукты, и мы сходим к маме, – добавила она.

– Спасибо. – Он поднял на неё взгляд, и в глазах у него была благодарность.

Кора старалась не замечать вины, скручивавшей ей внутренности. Ей следовало бы просидеть здесь с ним весь день, поговорить, убедиться, что с ним всё в порядке. Вместо этого она ехала на новое дело. Но зов о помощи она не могла проигнорировать.

Огайо она знала плохо. Зато знала того, кто знал его хорошо. Недавняя встреча с его близкими родственниками была тем, о чём ей меньше всего хотелось говорить – и ему рассказывать она тоже пока не была готова.

Мысли метнулись к тому мгновению, когда она носком ботинка коснулась тела его отца, столкнув труп со скалы.

А потом снова свернули в сторону – прочь от картин и звуков того момента.

Выходя из дома, Кора набрала номер Габриэля Финча.

– Привет, Кора, – сказал он, ответив после первого же гудка. – Что случилось?

Она представила его: крепкое телосложение игрока в американский футбол, грязновато-русые волосы, лицо с резкими чертами. Красавец, без сомнения. На отца он не был похож. Стоит ли вообще спрашивать? Что будет, если речь зайдёт об отце? Готова ли она к тому, во что это выльется?

– У меня новое дело. В Огайо. Хочешь устроить автопутешествие и помочь? – спросила она. Едва слова сорвались с языка, как она неожиданно почувствовала укол тревоги. Может, она и сама справилась бы без его помощи – и, может, просила она не поэтому.

Может, дело в том, что ей хотелось, чтобы он поехал, и вдруг его ответ стал значить куда больше.

– Когда? – спросил он.

Она вздохнула.

– Ну... прямо сейчас. Нужно выезжать в ближайший час-два.

– Что? – в его голосе звучало недоверие. – Сейчас? Мне придётся сдвинуть пару рабочих проектов. Не знаю, получится ли.

– Ладно. – Она поспешно пошла на попятную. – Не переживай. Это просто идея. Я могу поехать одна.

Некоторое время было тихо.

– Нет. – Теперь он звучал увереннее. – Дай мне час. Я распланирую проекты и поеду с тобой.

Было пять вечера, солнце уже клонилось к закату, когда Кора подъехала к дому Гейба. В дорожной сумке у неё лежало всего пару вещей – она путешествовала налегке.

Похоже, он тоже. Он открыл пассажирскую дверь, держа в руке лишь небольшую спортивную сумку. Поставил её на заднее сиденье и сел. За его спиной Кора увидела холмы, деревянные изгороди, полосы леса и ровные зелёные ряды посевных полей.

Гейб – сын фермера.

Десять лет назад он встречался с её сестрой Роуз. Но теперь Кора знала: между ними двумя зарождаются чувства. Во всяком случае, ей так казалось. Судя по её собственным чувствам к нему. От этого совместная поездка с ним выглядела немного странно.

И она ни за что не собиралась рассказывать ему о том, что случилось между ней и его отцом. Ни за что. Это будет заперто – в тайном ящике, глубоко в памяти. Ей не хотелось больше никогда его открывать и даже думать об этом.

Если он спросит, она откажется отвечать. Но, к счастью, следующий вопрос был о месте назначения. Она задумалась: не уловил ли он её реакцию и не сменил ли вопрос на полуслове. Гейб был наблюдательным.

– Огайо? – спросил он. – Что там происходит?

– Кто-то похищает проституток. Несколько пропали, – сказала Кора. – Меня наняли выяснить, кто это делает. И найти одну из них – конкретно. Говорят, она хорошая девчонка, просто её затянуло в эту жизнь.

Гейб кивнул.

– Слишком много неправильных решений. Мне всегда кажется, что грань там очень тонкая. Одно-два неверных – и ты уже на совсем другой дороге. То, что у тебя есть в жизни, никогда не даётся навсегда.

Он говорил серьёзно. Кора взглянула на него, всматриваясь в лицо. Ей нравилась его внешность: высеченная сила в чертах, растрёпанные светлые волосы, крепкие, мозолистые руки – и то, как от него могло исходить тепло, когда он улыбался этой чуть виноватой улыбкой.

– Никогда, – согласилась она.

Он глубоко вдохнул, и она напряглась. На миг ей показалось, что он сейчас спросит про своего отца. У неё было такое предчувствие. В его манере держаться было что-то, в том, как быстро он втянул воздух.

Но он не спросил. Может, хотел – а в последний момент струсил.

Кора гадала, правда ли он хочет знать или всё-таки нет.

– Что нам известно об этом деле? – вместо этого спросил он. – Давно убийца орудует, сколько женщин он похитил?

Кора пожала плечами, глядя вперёд, туда, где фары прорезали сгущающуюся тьму дороги.

– Несколько, как мне сказали. Это всё, что я знаю. Она только что прислала мне три имени. Крисси Эванс – она пропала первой, ещё Сиенна Ховард и Луэлла, женщина, которую меня наняли найти. Но, возможно, есть и другие.

Гейб кивнул.

– Может, в интернете что-то есть. Сейчас посмотрю новости, вдруг удастся зацепиться за какую-нибудь информацию.

Он умел это делать. Уткнулся в телефон и принялся рыскать, и какое-то время в машине стояла тишина. Но теперь, решила она, тишина давалась легче. Это была не та тишина, что бывает перед нежеланным вопросом.

Она включила радио. Нашла музыкальную станцию. Кантри. Не её выбор, но для поездки из Западной Виргинии в Огайо – через горы и фермерские поля – вроде подходило.

И тут Гейб снова заговорил, удивлённо:

– Тут довольно много, Кора.

– Да? – Ну да, это же Гейб. Он находил всё, что только можно было найти. У него был острый ум, и Кора вдруг почувствовала удовлетворение и облегчение оттого, что попросила его поехать с ней, что всё-таки приняла это решение – несмотря на то, что произошло тем утром.

– Тут явно что-то крупное. Сейчас скажу, что я уже раскопал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поймать. Удержать.

И задушить – на веки вечные, когда они наконец расскаются в своих грехах.

Мысль об этой бесконечной темноте, о том, как эти злые женщины в конце концов испускают дух в том тайнике, была до глубины души привлекательна для Найтшейда. Душа у него была голодная – она питалась человеческими страданиями. Такова была неприятная правда. Давным-давно он смирился с этим. А теперь даже стремился утолять этот голод. Отрицание осталось далеко позади. Охота на жертв – на правильных – стала вечным поиском. Это было нелегко. Требовалось терпение, потому что ему нужен был определённый тип людей. Те, кого он ненавидел.

Находить их было трудно, но в последнее время Найтшейд открыл для себя новые охотничьи угодья. Изобильные, безликие, с запасом свежих жертв на выбор.

Это было похоже на сладостную победу, которая вдруг сделала охоту куда проще. В конце концов, такие места посещали люди проезжие – их заботило только одно: не выбиться из графика, перехватить что-нибудь на ходу, заправиться и ехать дальше. Люди, по сути, думали только о себе.

И, разумеется, шлюхи тоже всё облегчали. Такие надеждой живут, такие отчаянные. Общество – мусор, как он их называл. Одноразовые женщины, продавшие себя, выбросившие свою жизненную силу, растранившие себя на мужчин, которые их вождели. Им нужно было страдать, вспоминать, что они натворили, потом каяться в своих злых путях, а потом – наконец – умереть.

Само их существование приводило Найтшейда в ярость. Стоило взглянуть на этих женщин – и внутри поднималась волна злости и ненависти. Они заслуживали самого худшего. Как они могли так поступать? Выставлять себя напоказ, заставлять мужчин похотеть, грешить и сбиваться с пути. Во всём были виноваты женщины: именно они и были искушением.

Миру до них не было дела – их считали не больше чем вещами, которыми пользуются и выбрасывают. Закон их почти не защищал, полиция не уважала. И когда все эти мысли наконец слились воедино – вспышкой озарения, осветившей его тёмный разум, – тогда-то и началась охота.

Теперь цель была – поймать их, удержать в той бесконечной тьме. Это была извращённая форма справедливости, маленькая попытка одного человека, которую можно было бы счесть способом заставить мир заплатить за свои грехи и зло. И это работало. Он уже забрал нескольких – и теперь все они были заключены в эти вечные объятия. Раскаяние обычно приходило быстро. Но не в этот раз.

Новая шлюха звала его теперь – та, что была заперта в комнате в подвале. Комнатушка была маленькая, обшитая деревом скорлупка, на создание которой ушли месяцы тяжёлой работы. Почти вся она уходила под землю. В углу стоял простенький туалет-ямка, и был кран. Эти вещи Найтшейд жертвам позволял. Разумеется, не просто так.

Наличие этих удобств давало шлюхам крошечный отблеск надежды. И это было забавно – потому что когда они отправлялись в следующее место, в место навсегда, тогда умирала всякая надежда.

Ещё приятнее было растягивать процесс. Их ужас давал им шанс раскаяться в зле, которое они приняли.

«Помогите!» – кричала эта шлюха. – «Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь. Помогите мне!»

Эти слова были для него музыкой – он улыбнулся. В её голосе явственно звучал страх, и когда она начинала, вопила она громко. Девчонка была хорошенькая. Одна из тех, что

поменьше тронуты этой грязью, – таких он и подбирал по пути, в рамках этого тёмного приключения.

Было до глубины души иронично, что она пыталась сбежать от дальнобойщика, который явно замыслил недоброе. Даже она, даже эта ничтожная баба, побоялась поехать с мужчиной, которого он мельком видел: с огромным синим восемнадцатиколёсным тягачом, с мясистыми руками и с бегающим, скользким взглядом на пухлом лице.

«Ты сделала выбор – и выбрала неправильно. И выбрала задолго до того, как встретила меня. Я всего лишь твоё возмездие», – прошептал Найтшейд. «Ты готова покаяться?»

Он терпеливо ждал, слушая женские крики, пока те не стихли, превратившись в всхлипы. Так было всегда: сначала они молили о помощи, чтобы кто-нибудь их спас. Но через какое-то время понимали – выхода нет. Они по-настоящему одни.

Выйдя из дома, он проверил, насколько слышно. Дом стоял на большом участке земли. Небольшая ферма. И подвал был хорошо звукоизолирован, но всё равно нужно было быть осторожным. Если крики станут слишком громкими, придётся принять меры.

Удовлетворённый, он кивнул. Шум, хоть и был едва различим, далеко не уходил, а если он не уходит далеко сейчас, то после темноты, когда общий фон вокруг станет ещё тише, днём его и подавно никто не услышит. Во всяком случае, он был недостаточно громким, чтобы насторожить кого бы то ни было. Даже прохожий на дороге снаружи ничего бы не услышал, да и после темноты по дороге никто не ходил. По ней только ездили – проносились большие фермерские грузовики и внедорожники, шурша по асфальту через этот красивый уголок сельского Огайо – с красными амбарами, густыми лесами и живописными полями.

Он неспешно вернулся к подвальному окну – с двойным стеклопакетом, чтобы лучше глушить звук для обитателей. Возможно, на менее осязаемом уровне, хорошая изоляция ещё и удерживала женский ужас эффективнее. Приятно было думать о страхе, о неопределённости, задущенных в той тесной комнате без пути к спасению.

Им нужно было вымокнуть в собственных эмоциях, чтобы до конца понять, какими они являются объектами ненависти.

В этот тихий, ясный, холодный вечер Найтшейд решил, что пора отправить её на следующую стадию её жалкого существования. В конце концов, скоро придёт время снова охотиться. Вдвоём там можно было держать, но недолго: всегда оставался шанс, что они начнут действовать сообща и найдут способ выбраться. Надёжнее – по одной.

Найтшейд прошептал низким голосом, прижав губы к оконному стеклу.

«Это твоё наказание, и ты его заслужила. Ты сама сделала свой выбор; ты сама сотворила свою судьбу».

Хорошо было прошептать эти слова. Это было приятно. Возможно, женщина внутри их не услышала, хотя теперь молчала. А может, наоборот – услышала. Было бы здорово, если бы услышала.

Теперь тишина стояла неподвижная и испуганная, словно женщина больше не смела открыть рот.

– Дело не в тебе, понимаешь, – продолжил он, чувствуя, что теперь говорит почти по-дружески. – Дело в том, кто ты есть. Кем ты стала. Ты выбрала зло. А я просто показываю тебе последствия этого выбора.

Повисла тишина.

И затем – надломленно и разбито, хрипло и дрожа – вернулся её голос.

– Но я не могу помочь тому, какой я была. Я просто... я просто в это втянулась и пыталась измениться.

Его губы изогнулись в улыбке. Этот разговор – если это вообще можно было назвать разговором – странным образом приносил удовлетворение.

– Пыталась измениться? Это ничего не значит. Ты была тем, кем была. Ты не можешь отменить себя и не можешь себя переделать. То, чем ты была внутри, тем ты и останешься всегда. Ты была мусором – и ничем больше, кроме мусора. Дешёвым, пошлым, доступным всем подряд.

Снова тишина.

– Нет! Ты не понимаешь. Меня... меня заставил мой парень. Он заставлял меня продавать себя. Он сказал, что этот сутенёр – его друг, и что он ему должен денег, и что это единственный способ расплатиться. Так всё и началось, а потом находились новые оправдания. Другие. И я села в твою машину только потому, что не хотела возвращаться к нему! Я думала, ты поможешь мне начать сначала.

Теперь её голос был почти дыханием. – Может, ты и правда можешь? Может, ты поможешь мне?

Найтшейд задумался, и эта мысль показалась ему странно соблазнительной. В этой женщине было что-то не такое, как в остальных.

Возможно, ещё один день этого чистилища будет вполне заслужен. Возможно, незачем отправлять её дальше – пока что. Не после этого странно удовлетворяющего разговора.

– Я могу дать тебе ещё немного времени. Тебе нужно раскаяться.

Но это время будет ограниченным, потому что Найтшейд чувствовал, как внутри что-то шевелится. Что-то тёмное и опасное. Голод, который мог утолить только чужой болью. Голод, которому никогда не насытиться.

– Я не понимаю, почему ты так говоришь. Это ловушка?

– Возможно. Поговорим завтра.

– Пожалуйста! Пожалуйста, ты можешь меня отпустить. Я даже не знаю, где я. Я просто убегу, я никогда не попытаюсь вернуться. Я хочу лишь шанс попробовать ещё раз, шанс сделать всё по-другому.

Молча Найтшейд отошёл от подвального окна и вернулся в дом, ощущая тепло и довольство – он напился ужасом девушки.

Завтра отправить её дальше будет ещё веселее после сегодняшнего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гэбриэл Финч искоса взглянул на Кору, пока они ехали, и почувствовал тревогу: в голове вихрем крутились вопросы. Она смотрела вперёд, сосредоточенная на дороге, крепко сжимая руль. Такова была Кора. Она всегда смотрела вперёд. Никогда не оглядывалась.

А жаль, потому что сейчас прошлое казалось важным, и было кое-что конкретное, о чём он хотел её спросить, но не решался.

Видела ли она его отца? Что с ним случилось? Что она с ним сделала?

Живот свело, стоило ему об этом подумать.

Мог ли он спросить? Случилось ли что-то?

Скорее всего – да. И, что ещё вероятнее, сказал себе Гейб, он не хотел знать. Его отец не был хорошим человеком; его отец был одним из плохих. Из самых худших.

Может, он всегда это знал – потому что нельзя сказать, что отец когда-либо был образцовым примером. Опорой семьи была мать. Именно она держала всё вместе вопреки отцу, а не благодаря ему.

Она была сильной женщиной. Как и та, что сидела рядом, молча сжимая руль, пока машина мчалась в ночь.

Он опустил голову и снова посмотрел на телефон. Момент ушёл. Он не станет спрашивать.

Возможно, он так никогда и не поймёт. Но сейчас он мог рассказать ей больше о статьях, которые нашёл в телефоне. Гейбу казалось, что они показывают: исчезновения происходят уже как минимум месяц.

– Здесь есть статья месячной давности: семья Сэнди Крейг ищет её. В последний раз её видели «около Финдли». Это, конечно, не слишком конкретно.

– А что там сказано про Сэнди? Она такого же типа человек? Проститутка, я имею в виду? – спросила Кора.

– Похоже на то, – сказал Гейб. – Они старательно обходят стороной, чем она тут занималась. Только пишут, что друзья и родные в отчаянии и что её все любили.

Гейб заметил, как Кора посмотрела в сторону. А потом на миг – прямо на него. Этот взгляд, эти глаза – как штормовой океан: сотня разных огней и настроений. Он и сам не знал, когда её взгляд начал отдавать ему тем толчком под ложечкой, тем ощущением, будто он теряет себя, которого не испытывал уже целую вечность.

То же самое он чувствовал к Роуз. По-своему было странно, что теперь он ощущает это к Коре, но, похоже, он ничего не мог с собой поделать. Он пробовал сопротивляться. Иногда выходило. Обычно – пока он не начинал на неё смотреть и их взгляды не встречались.

И тогда он снова тонул в этом море.

Если так можно выразиться. Он ведь не был поэтом. Во всяком случае, обычно.

Он опустил глаза и пролистал новости, перекатывая телефон в больших, загрубевших ладонях, выводя на экран следующий материал.

– Тут есть ещё информация по одному из имён, которые тебе дала подруга. Пишут, что пропавшая женщина – танцовщица у шеста и хостес. «Прекрасная Крисси Эванс исчезла после того, как вышла из дома; в последний раз её видели направляющейся на север». Почему – не говорят, но вот: её машину нашли у межштатного шоссе на стоянке для грузовиков рядом с Лаймой. Это недалеко от Финдли, – сказал он.

– Если недалеко, значит, это указывает направление к охотничьим угодьям, – согласилась Кора. Гейб кивнул. Он начинал понимать, как действует этот преступник. Как сеть, которую он – или она – затягивает.

– Есть ещё что-нибудь? – спросила Кора.

– Смотрю объявления полиции о пропавших, нашёл на их сайте. Все три женщины, о которых говорила твоя подруга, тут есть, включая Луэллу. И ещё пара.

– Тела нашли?

– Тел не нашли.

Гейб какое-то время молчал. Что этот убийца делает с жертвами? Они мертвы? Он предполагал, что да. Или их где-то держат?

От этих мыслей его снова пробрало до костей – из-за отца. Нужно было загнать это чувство, эти тревожные мысли, подальше. Это не про отца. Это про других женщин, на которых он теперь обязан сосредоточиться. Он ничего не мог изменить в том, что сделал отец, разве что стать другим человеком – что было несложно.

И постараться не задаваться вопросами о том, что тогда случилось, – а это было куда труднее.

По крайней мере, мили оставались позади. Они уже глубоко в Огайо. И, судя по всему, у Кора был план и место назначения: теперь она что-то проверяла в телефоне, то и дело опуская взгляд, одновременно следя за дорожными знаками впереди.

– Кажется, нам сюда, на съезд. – Ещё один взгляд вниз. – Да. Здесь.

– Куда мы едем? – спросил он.

– Дейтона написала, что знает один мотель, которым несколько женщин регулярно пользовались. Она прислала адрес. Думаю, в этом мотеле они выделили пару комнат, которые сдавали по часам. А остальные работали как обычный мотель. Одна из комнат, которую сдавали по часам, – двенадцатая. Мне интересно, не найдётся ли там чего-то, что укажет путь? Может, у них у всех был один и тот же хозяин, один и тот же сутенёр, одно и то же агентство? Дейтона этого не знала, но сказала, что такое возможно. Она сказала, что Крисси точно там бывала.

– Разве они не должны убирать номера? – спросил он. Потом бросил взгляд на мотель впереди. – Ладно, понял тебя, – сказал он. – Может, они и не слишком-то там убираются.

Место выглядело убого: мерцающая вывеска, несколько машин снаружи. У ворот стоял на страже крепыш с агрессивной повадкой и провожал их взглядом, пока они въезжали. Охрана была на месте.

Кирпичное здание выглядело сурово и голо. Граффити у нижнего угла висело так давно, что уже начало выцветать. Мотель стоял в глубине, за стеной, которая, как прикинул Гейб, давала хоть какую-то приватность почасовым гостям, не желавшим, чтобы их тут кто-нибудь увидел. Сбоку тянулась вереница припаркованных машин. Кора поставила свою в конце ряда. Они вышли, и Гейб вдохнул ночной воздух – неожиданно холодный. Откуда-то с главной улицы доносилась музыка, а еще он уловил слабый, подгорелый запах мяса на гриле из какой-то забегаловки.

Кора толкнула дверь, и внутри звякнул старомодный колокольчик. Они оказались в полутемной стойке регистрации, которая, похоже, годами не видела ремонта. За стойкой сидела женщина средних лет и возилась с большим пакетом попкорна. Пахло искусственным сыром. За ее спиной на стене висел ряд старых ключей с бирками.

– Номер нужен? – спросила она скучающим тоном.

– Я частный детектив, – сказала Кора, подходя к стойке. Гейб остался чуть позади, решив, что лучше дать ей говорить.

– И что?

Женщина стала облизывать пальцы один за другим.

– Мы проверяем дело о пропавшем человеке. Нас попросила подруга пропавшей женщины, – сказала Кора.

– Чего вам надо? Мы тут информацию не раздаем, – отрезала женщина.

– Мы хотим осмотреть один номер, – сказала Кора. Гейб поразился, как ей удается держать себя в руках.

– Какой?

– Двенадцатый.

Женщина покачала головой.

– Двенадцатый занят.

– Занят? Сейчас? Снаружи нет машины. Мы ненадолго, – Кора уже говорила зло. И женщина тоже: Гейб слышал это в ее голосе. Ей не понравилось, что Кора не принимает отказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.